

“Что это за прекрасный народ!”

Русские писатели о Башкирах

Б. АХМЕТШИН, заведующий кафедрой русской филологии

Башкирского государственного университета, доктор филологических наук, профессор

Одну из главных отличительных особенностей русской классической литературы составляет её глубокий и ярко выраженный интернациональный пафос. Истоки его в давних неразрывных связях русской литературы с судьбами народа, нации, в последовательной борьбе за свободу и счастье народных низов, в постоянной и неизменной готовности вступить за всех униженных и оскорблённых. Несмотря на социальную обособленность среды, создавшей лучшую из культурных ценностей мира (это по преимуществу русская дворянская интеллигенция), она никогда не отгораживалась от страдающих и погибающих, от их насущных нужд. Наоборот, всех русских писателей неизменно волновали общенациональные и общечеловеческие проблемы, они неустанно поднимали свой голос за освобождение от многовекового гнёта придавленных нуждой людей — не только русского мужика, этого сеятеля и хранителя Отечества, но и народов национальных окраин, как, например, башкир.

Всё созданное русскими писателями о Башкортостане, отмечено резким контрастом, двумя полярными мотивами: с одной стороны, — это великолепная в своей первозданной красоте природа и на этом фоне — ужасающая нищета населения. В ранних произведениях русских литераторов о нашем крае преобладают несколько простодушное любование внешними атрибутами жизни и быта народа на лоне прекрасной природы, фольклорная архаика красочных зарисовок его полупатриархальных нравов и обычаев, романтически возвышенное описание самоотверженных подвигов богатырей, воспевание чистой любви героев к чудесным красавицам.

Первый опыт литературно-художественного изображения жизни башкир в духе народнопоэтической традиции восходит к началу XIX века и связан с именем Тимофея Савельевича Беляева. Его перу принадлежит “Куз-Курпяч. Башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года”. Эта повесть положила начало русской литературе о башкирах, стала достойным памятником многовековой дружбе двух братских народов. Поразительнее всего то, что автором уникального сочинения оказался крепостной грамотей-самородок, дворовый человек (возможно, из башкир) оренбургского губернского прокурора Н.И. Тимашева, сына башкира-“осьмиродца”, который первым в России осознал важность собирания фольклора, бытовавшего на нерусском языке, и на его основе создал выразительное, поэтическое литературное произведение. По своей значимости его сочинение ничуть не меньше (а может, и больше), чем “Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым”, по-видимому, таким же крепостным человеком, жившим у уральского горнозаводчика Акинфия Демидова. Но если Кирша Данилов интересовался родным для него русским фольклором, то Тимофей Беляев предпринял смелый эксперимент — дал художественную интерпретацию поэтического творчества тогда ещё мало кому известных башкир (как пишет автор в предисловии, “не всякому, может быть, известен башкирский народ даже и по названию своему”). Он выступил как подлинный интернационалист, сделав не только общерусским достоянием одно из выдающихся эпических сказаний, ныне бытующих в устной традиции народов Урала, Востока и Сибири.

События “повести” восходят к далёкому прошлому. В ней изображена первобытная жизнь башкирского рода под предводительством батыра Карабая в верховьях Иртыша. Повсюду разошлась добрая слава родоначальника, наделённого мужеством и силой и совершавшего героические подвиги. Батыры других родов ищут дружбы с ним, чтобы заручиться его поддержкой. Так завязываются отношения с казахским батыром Сарабаем,

которого башкирский батыр спасает на охоте от верной гибели.

Традиционная тема любви в “повести” перерастает в важнейшую идею единения башкирских родов — особенно в переломные моменты истории — в племена и родоплеменные союзы, что являлось выражением прогрессивных тенденций эпохи и общенародных интересов в целом. Нерушимость этой общности этноса подтверждается в особой художественной форме — генетическим, иначе говоря, единоутробным родством предков и основателей семи (на самом деле их было гораздо больше) крупнейших башкирских племен: бурзяне, усяргане, тамьяне, кыпчаки, бушмасы, кара-кыпчаки, тангауры. Все они получили свое название (этноним) по именам родоначальников.

Публикация “повести” вызвала живейший интерес русских писателей к жизни, быту и поэтической культуре башкирского народа. Она оказала заметное влияние на творчество оренбургского поэта и писателя, декабриста П.М. Кудряшева, написавшего ряд стихотворений и прозаических произведений из жизни и истории местного населения и создавшего глубоко познавательный этнографический очерк “Предрассудки и суеверия башкирцев”. Член созданного им Оренбургского литературного кружка П.Е. Размахнин стал после смерти декабриста хранителем архива своего наставника, опубликовал в “Вестнике Европы” и “Отечественных записках” значительное число его произведений, а в Казанском “Заволжском муравье” напечатал стихи собственного сочинения и этнографическую статью “Картина башкирской жизни”.

Известный русский лексикограф, этнограф и писатель В.И. Даль длительный период (1833–1841) находился на службе в Оренбурге, тщательно записывал и бережно обрабатывал мотивы и сюжеты бытовавшего здесь разнонационального фольклора, сделал литературную запись одного из лучших эпических сказаний башкирского народа “Заятуляк и Хыухылу” и написал на его основе замечательную повесть “Башкирская русалка”, в которой отчётливо видны “следы” беляевского “Куз-Курпяча”.

Башкирская тема отразилась в произведениях В.А. Жуковского, А.К. Толстого и других русских писателей. Однако наиболее полное и яркое воплощение она получила в творчестве А.С.Пушкина и С.Т. Аксакова.

По-настоящему талантливое художественное изображение жизни народов России, в том числе и башкир, с подлинно демократических позиций началось только с А.С. Пушкина. Уже в “Братьях-разбойниках” (1821–1822) упоминается в качестве одного из членов разбойничьей шайки “башкирец безобразный”. Колоритные и запоминающиеся образы башкир — борцов за волю и свободу создаёт Пушкин в “Истории Пугачёва” и “Капитанской дочке”. В крестьянском восстании 1773–1775 годов исключительно активное участие приняли башкирские народные массы.

Пушкин кропотливо изучал архивные материалы, официальные документы и печатные источники, ездил в Заволжье и Оренбуржье, куда входила и Башкирия, посетил пугачёвские места осенью 1833 года. Самыми значительными для Пушкина в свете его поисков необходимых данных оказались встречи и беседы с престарелыми очевидцами тех событий, которые остались верны памяти о “народном государе Петре Фёдоровиче”.

В поездках по Оренбургу и его окрестностям поэта сопровождал чиновник по особым поручениям при губернаторе В.И. Даль. Их сблизила общая любовь к устному творчеству и живому народному языку. С помощью Даля Пушкин легко общался с казаками и башкирами, записывал их песни и сказания, интересовался устной словесностью калмыков. Кроме того, по его просьбе была сделана запись одного из вариантов эпической поэмы “Кузы-Курпес и Маян-Хылу”. Эти рассказы и воспоминания ещё раз убедили поэта в общенародном характере выступления представителей разных национальностей и существенной роли башкир во главе с Салаватом Юлаевым в одержанных повстанцами победах, в продолжительности и конечных результатах движения. Башкиры, как изображает Пушкин, были в первых рядах участников штурма при взятии Пугачёвым Казани. Башкирия оставалась до пленения главных предводителей восстания Салавата и его отца Юлая Азналина основным очагом народного возмущения и прекратила боевые действия против

карателей лишь в конце 1774 года.

Неиссякаемая духовная мощь народа воплощена в облике безымянного, обезображенного “башкирца” в “Капитанской дочке”. Образ этого верного идеалам народа, мужественного человека обретает большое обобщающее значение как символ всей нации.

Среди большого числа (до 30, по словам Л.А. Черейского) знакомых А.С. Пушкина из Оренбургской губернии для нас дороже всего свидетельство о его тесных взаимосвязях с певцом башкирской природы С.Т. Аксаковым, композитором А.Н. Верстовским, героиней Отечественной Войны 1812 года Н.А. Дуровой, с литераторами Д.М. Княжевичем, А.М. Языковым и другими. В исследовательской литературе не раз отмечалось влияние, которое оказал рассказ-очерк С.Т. Аксакова “Буран” (1834) на описание метели в “Капитанской дочке”.

Родившись в Уфе и значительную часть жизни проведя на лоне прекрасной природы родного края, Аксаков не был её равнодушным созерцателем или живописцем. Большое внимание он уделил в своих известных трилогиях — охотничьей (“Записки об ужении рыбы”, “Записки ружейного охотника Оренбургской губернии”, “Рассказы и воспоминания охотника”) и автобиографической (“Семейная хроника”, “Детские годы Багрова-внука”, “Воспоминания”) — описанию быта провинциального русского дворянства, жестокого обращения помещиков-крепостников с крепостными крестьянами, “исхудалых, как зимние мухи, башкирцев”, и их “наполовину передохших от голода табунов и стад”. Не закрывает писатель глаза и на факты беспардонного обезземеливания башкир, беспощадного истребления лесных массивов, скупки обширных владений целых уездов за бесценок.

Высоко ценили Аксакова как тонкого мастера пейзажа И.С.Тургенев и А.М. Горький. Историко-познавательную ценность “Хроники” подчеркивали А.И. Гончаров и М.Е. Салтыков-Щедрин. Н.А. Добролюбов в статье “Деревенская жизнь помещика в старые годы”, посвящённой творчеству писателя, отмечал, что описание им крепостника стоит “степенью выше” обличительных книг и продолжал: “Издание “Хроники” встречено было с таким восторгом, какого, говорят, не бывало со времени появления “Мёртвых душ”. Все журналы наполнились статьями о С.Т. Аксакове”. По степени достоверности изображаемого и резкости обличения крепостничества Н.Г. Чернышевский ставил “Семейную хронику” в один ряд с “Губернскими очерками” Салтыкова-Щедрина.

На родине С.Т. Аксакова, которой посвящены все крупные произведения писателя, имя его никогда не предавалось даже мимолётному забвению. И поныне по самому высокому счёту воздаётся в Башкортостане должное памяти талантливого нашего земляка. В 1859 году, ровно через месяц после смерти незабвенного Сергея Тимофеевича, студенты Казанского университета собрались в одной из уфимских церквей, отстояли заупокойную обедню и отпели панихиду по усопшему. Затем они отправились в Голубиную слободку, где в огромном тенистом саду некогда стоял дом, в котором родился будущий писатель, и почтили его память.

Не менее значительными событиями сопровождалось празднование 100-летнего юбилея писателя в Уфе. Была отслужена торжественная заупокойная панихида в зале городской думы, открыта в здании Александровского ремесленного приходского училища городская общественная библиотека, названная “Аксаковской”, улица Каретная переименована в Аксаковскую, объявлена подписка на сооружение в уфимском парке памятника именитому земляку. А 50-летие кончины писателя (1909) решено было по благороднейшей инициативе уфимского губернатора А.С. Ключарёва ознаменовать сооружением Аксаковского народного дома, для чего правительство России разрешило подписку на сбор пожертвований по всей империи. Открытие Дома состоялось вместо 1913 года только перед Великой Отечественной войной. С тех пор в нём работает Башкирский государственный театр оперы и балета. К 200-летию писателя состоялось открытие мемориального музея Аксакова в доме деда писателя по матери Зубова. К этой же дате приурочена Международная конференция “Дни славянской культуры”, которая продолжает свою работу

под знаком Аксаковских чтений.

После отмены крепостного права русские писатели с усиленной тревогой и болью воспринимают и мужественно разоблачают вопиющие факты варварского расхищения башкирских земель и лесов, приведшие к дальнейшему обнищанию народа. Первым среди столкнувшихся с последствиями деятельности “героев наживы”, был Л.Н. Толстой. Он неоднократно (не менее 10 раз) приезжал к самарским башкирам на кумысолечение, проводил там летние месяцы, внимательно присматривался к жизни, обычаям и нравам “геродотовых скифов”, слушал их песни, сказки и легенды. Но воссоздавал этот самобытный фольклор сквозь призму либерального народничества, идеализируя патриархальный быт и духовную культуру башкирского народа.

В основу рассказа “Много ли человеку земли нужно” положена услышанная у башкир предание-притча о человеке, пытавшемся отхватить в собственность столько земли, сколько сумеет обежать от восхода до заката солнца и павшем жертвой своей необузданной жадности.

С этим сюжетом перекликается и другой рассказ Л.Н. Толстого “Ильяс” из башкирской действительности. Только лишившись всего богатства, герой, именем которого названа эта миниатюра, и его мудрая жена находят душевный покой, умиротворение и счастье. Эти ценности, выше которых нет ничего на свете, доступны каждому, кто живёт праведной жизнью труженика, — такова назидательная сентенция, вытекающая из содержания маленького толстовского шедевра.

Описанию нелёгкой судьбы русских переселенцев из крестьян в Башкирии посвящён цикл очерков Г.И. Успенского “От Оренбурга до Уфы”. Основной движущей силой и интригой этих рассказов являются резкий контраст и непримиримое противоречие между картинами привольной башкирской степи и невероятно тяжёлым положением её обитателей.

Корреспонденции уфимского литератора П.И. Добротворского, сатирически остро обличающие расхищение природных богатств и попустительство как местных, так и центральных властей по отношению к хищникам, принесли ему шумный успех и широкую известность во всей России. Была даже назначена Александром II сенатская комиссия во главе с М.Е. Ковалевским, которая подтвердила достоверность приведённых в статьях фактов и причастность к обнаруженным правонарушениям всего чиновничьего аппарата во главе с губернатором Н.А. Крыжановским и правителем его канцелярии А.Д. Холодковским. Однако мало что изменилось после этого в жизни башкирской окраины.

В рассказах и очерках, которые позднее были изданы отдельными книгами (“В деревне, в заводе, в городе”, 1889, “Рассказы, очерки, наброски. Мысли в картинах и образах”, 1892, “Моя исповедь”, 1904) писатель обнаружил истинное знание жизни и дар проникновения в душу живущих рядом башкир. Его слова: “Что это за прекрасный народ!” — звучат как эпитафия и рефрен не только к книге “В глуши Башкирии” (1901), но и ко всему творческому наследию П.И. Добротворского.

Настоящей художественной энциклопедией Урала и Башкортостана предреформенной и пореформенной поры стали романы, повести, рассказы и путевые очерки Д.Н. Мамина-Сибиряка, который отчётливо видел, что власть капитала несёт неисчислимые беды как русским, так и башкирам, и решительно разоблачал новые порядки. Помещики и заводчики, а также разной масти дельцы в изображении писателя с особым остервенением захватывают благодатные башкирские земли, губят девственные леса и безжалостно разоряют сказочно богатую страну. Широко использует автор мотивы башкирского фольклора, особенно когда обращается к героическим страницам борьбы народа за свободу. Одним из первых среди русских писателей записывает он песни и предания о Салавате Юлаеве, характеристики которого встречаются во многих его произведениях.

С именем Салавата связано в значительной степени и творчество русского писателя В.Д. Нефедова и уфимских писателей-краеведов В.Г. Игнатьева и М.В. Лоссиевского. Салават предстает в их произведениях не только как мятежник, но и как человек, наделён-

ный богатым духовным миром и редкими личностными качествами. Глубоко обосновывают авторы побудительные причины, заставившие героя взяться за оружие и встать во главе освободительного движения народных масс. Им удалось воссоздать целостный облик батыра, намеченный ещё Пушкиным в его историко-художественных произведениях.

Пушкинского же безъязыкого башкира напоминает герой горьковской легенды “Немой” (1896) Юзгляр. Он тоже лишен языка, но и как и старый бунтовщик из романа “Капитанская дочка”, не может смириться с беспросветной нуждой, в которой прозябают его сородичи, и пытается пробудить в них дух свободолюбия и борьбы за правое дело.

Судьба башкирского народа, беззастенчиво обиравшего разного рода “урывателями”, не могла не затронуть великого гуманиста А.П. Чехова, который, по всей вероятности, был знаком со статьями Н.В. Ремезова и П.И. Добротворского и, кроме того, как и Л.Н. Толстой, сам приезжал “на кумыс” в санаторий Аксёново (сегодня переименован в санаторий А.П. Чехова) и имел возможность лично ознакомиться с бедственным положением местного населения — русских и башкир и резко откликнулся о тактике умалчивания истинного положения дел в Башкирии.

Русская литература о Башкирии, созданная на материале устно-поэтических традиций и на событиях реальной действительности, внесла существенный вклад в духовную культуру России, немало сделала для пробуждения национального самосознания трудящихся и торжества идеалов добра и справедливости, свободы, и братской дружбы между народами нашей страны.